

ПРОТЕСТ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ В 1920—1980-Е ГОДЫ

Владимир Юрьевич ТИТОВ, кандидат исторических наук, старший преподаватель Иркутского государственного педагогического университета

Понятие «протест» многозначно. Римские трибуны протестовали тогда, когда пытались публично отстоять противоположную большинству сената точку зрения. В социально-экономических отношениях протест определяется новизной каких-либо обстоятельств. Многие люди тяжело воспринимают нововведения, как правило, они не уверены в успехе того нового, которое должно прийти на смену старому. Отсутствие таких «гарантий» своего будущего приводит человека к неуверенности, а затем к возмущению. В итоге протестующие люди пытаются доказать правоту собственных убеждений.

В Советском Союзе было принято утверждать, что протест как акт взаимоотношения государства и общества в стране отсутствует. Бывшие сотрудники горкомов и обкомов партии, комсомола, с которыми автору пришлось беседовать, припоминали лишь отдельные редкие случаи несогласия граждан с государственной политикой СССР. Кроме небольшого числа забастовок, вызванных несвоевременной выдачей заработной платы, одиночные высказывания протеста происходили на выборах депутатов Верховного Совета СССР. Правильнее такие случаи называть не высказываниями и не заявлениями, а робкими надписями на обратной стороне избирательных бюллетеней¹. В мнении общественности подобные случаи протеста вызывали различные толки и сопроваждались горячими спорами (на кухне!).

Однако в своей повседневной жизни каждый гражданин СССР мог столкнуться с несовершенством как законодательной, так и политической систем. Гласное обсуждение и критические замечания, затрагивавшие такие несовершенства, могли стоять свободы, а иногда и жизни. Государственный архив Российской Федерации недавно издал аннотированный каталог «58¹⁰. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде»². Многие осужденные за период с 1953 по 1991 г. попали под следствие или пристальное внимание властей за антисоветские анекдоты, неосторожно брошенные фразы во время застольных бесед, а также за чтение «самиздатовской» литературы. В связи с постоянной опасностью «не сказать бы чего лишнего» в Советском Союзе сложился своеобразный способ молчаливого протеста. Человек был приучен не давать прямого и ясного ответа на вопросы, касавшиеся политического и экономического развития страны. Вместо открытого и гласного в обществе превалировало обсуждение насущных проблем дня через слухи, намеки. Такие фразы, как «все говорят», «я слышала, что говорили», превращались в обязательную формулировку для разговора на злободневные темы. Статья в газете, содержащая критику существовавших беспорядков, превращалась не только в предмет всеобщего интереса,

но и одновременно в очередной источник слухов, которые рождались без всякого на то основания. Такая метаморфоза происходила из-за отсутствия альтернативных источников получения информации, кроме государственных. Неординарный поступок, не всегда хорошо подобранное слово или откровенно высказанная вслух мысль превращались в повод сплетничать. Еще до сих пор можно услышать от людей старшего поколения такую, например, фразу: «Я бы не советовал вам вслух подобное произносить, мало ли что могут подумать, пустят сплетню, потом не откажетесь». Сплетня — это, по словарю С.И. Ожегова, «слух о ком-то, о чем-то, основанный на неточных или заведомо неверных сведениях»³. Понятие «слух» в общественном мнении все в том же словаре трактуется как молва⁴. Много раз смеявшийся над силой слухов и сплетен поэт В. Высоцкий посвятил этому явлению такие строки:

Я ненавижу сплетни в виде версий,
 Червей сомненья, почестей иглу,
 Или — когда все время против шерсти,
 Или — когда железом по стеклу⁵.

Проблема социального протеста на Дальнем Востоке в 1930-х годах возникла не случайно. Этому предшествовал долгий процесс рождения особого мировоззрения у сельских жителей региона. Русское население края сложилось в результате движения переселенцев из западных губерний Российской империи с конца 1880-х до середины 1920-х годов. Перед этим переселенцы проходили тысячи верст освоенной земли, наблюдали жизнь уже осевших на новых участках крестьян. Некоторые из них прежде чем переселиться на Дальний Восток, жили в Сибири, это тоже влияло на формирование мировоззрения. Здесь необходимо отметить одну закономерность. На протяжении всего XIX в. в Сибири наряду с официальными правительственными циркулярами и губернскими распоряжениями авторитетом пользовались решения местных сельских сходов, а также традиции⁶. Такая система правовых отношений выстроилась под влиянием нескольких аспектов внутренней политики самодержавия.

Усиление политической роли полиции и самовластия местных чиновников воздвигло барьер между властью и обществом, особенно в деревне. Это очень быстро отразилось на системе правовых отношений⁷. Крестьяне стремились приспособлять законы и постановления к решению социально-бытовых проблем сельского мира. Причиной возникновения такой «самодетельности»⁸ являлось отсутствие законодательного регулирования поземельных отношений, особенно в районах массового переселения. Некоторые правила землепользования, еще не получившие официального правительственного введения в районах Дальнего Востока, фактически действовали в разных общинах и селениях. Солидным аргументом в пользу самостоятельного толкования законов было наличие в каждой деревне своего «традиционного местного права». Его суть состояла в сложившихся обычаях, в поведении крестьян, которые иногда находились в прямом противоречии с законами всей империи, признававшихся администрацией края. Влиятельный чиновник по проблемам переселения, член совета при министре внутренних дел Д.И. Пестржецкий называет это явление юридическим творчеством в протесте крестьян⁹.

С приходом большевиков на Дальний Восток традиция самостоятельного толкования законов была уничтожена. Однако отголоски местного права давали о себе знать в привычках объяснять официальную политику государства иным, отличным от газетных шаблонов способом. Постепенно на всей территории РСФСР вместо традиции местного права появилась традиция негласного, окрашенного в тона сомнений и недомолвок обсуждения советского законодательства. Именно сомнения, недомолвки, слухи стали теми социальными составными, которые определили место протеста в общественной жизни СССР.

Негласная сила «традиции слухов» в общественном мнении крестьян и горожан достаточно быстро отвоевала позиции у «традиции местного права» во многом из-за кадровой политики большевиков в период с 1923/24 по 1926/27 гг. Большая армия новоиспеченных коммунистов, демобилизованных из армии и ринувшихся штурмовать высоты экономической и административной политики, превращалась в хороших разносчиков сплетен и слухов. Вот что по этому поводу писал директор института К. Маркса и Ф. Энгельса, непререкаемый авторитет в исследовании революционного российского движения с 1889 по 1917 г. Д.Б. Рязанов: «Что касается советского общественного мнения то у нас, к сожалению, вместе с нэпом зарождается тип финансистов... Это тип людей, которые являются в советские учреждения, в советские ведомости, в ячейки советской общественности и изображают из себя мудрецов этой тайной науки. На остальных рабочих и крестьян они смотрят как на людей, которые в этих делах не могут разобраться. Если... возникают возражения, эти псевдофинансисты всех «оглушают цитатами из Маркса». Наряду с приходом в экономику штатных распространителей слухов, в стране существовала такая налоговая система, которая своей закрытостью порождала еще большее «перешептывание»¹⁰. Эти слова были произнесены в 1926 г. В то время общественное мнение недавно присоединенной к СССР Дальневосточной республики продолжало существовать воспоминаниями о прошлом. В определенной степени этому способствовал процесс внутренней миграции населения края.

Дальневосточный край сравнительно поздно был вовлечен в процесс коллективизации. В сборнике «Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока» такой датой называется 1927 г.¹¹ Не так давно рассекреченные материалы архива ФСБ по Приморскому краю относят эту дату на начало 1930—1931 гг.¹² Расхождение в три — три с половиной года произошло не из-за фальсификации данных, а по причине разночтений. Что же брать за отправную точку коллективизации? В сборнике отчет предлагает вести от момента появления первых колхозов и коммун. В материалах следственного дела по восстанию старообрядцев в ДВК в начале 1930-х годов тоже упоминаются ранее образованные колхозы. Тем не менее сводки ОГПУ незримо подчеркивают тот факт, что появление и регистрация первых коммун ничего не значат. Во-первых, сельское население еще не было морально готово к массовому вхождению в колхозы; во-вторых, и это самое интересное, до середины 1930-х годов шло интенсивное переселение на Дальний Восток. Постоянная внутренняя миграция в рамках ДВК и безусловный демографический рост не могли не отражаться на мировоззрении крестьян, в том числе и на их отношении к протесту. Люди сплачивались не вокруг общины переселенцев, а по корпоративной принадлежности: рыбаки, моряки, судоремонтные рабочие, работники совхозов и колхозники. Их протест перестал носить характер творчества, а ограничивался только спецификой места работы.

Перепись 1939 г. показала, что сельское население начало размываться контингентом заключенных или лишенных прав. В деревнях РСФСР таких лиц насчитывалось 1,2 млн. По данным В.Б. Жиромской, «...в ДВК население сел возросло на 47,5%, спецконтингент в деревнях насчитывал 254 тыс. чел.» В городах Дальневосточного края он составлял 133 454 чел., в деревнях — 254 244 чел.¹³ Раскулаченные, лишенные прав, отбывшие срок наказания лица, находясь среди незнакомых людей, в новой среде и на новом месте, не могли не консолидироваться в некие национальные и профессиональные общности.

На территории ДВК городского и сельского населения было приблизительно поровну. Общая численность равнялась 906 805 чел., из которых 467 885 проживали в городах, а 438 920 чел. в селах. Разница в количестве мужчин и женщин равнялась приблизительно 53 тыс.¹⁴ Выходит, что Дальний Восток претерпевал процесс интенсивного внешнего и внутреннего пе-

реселения. Под влиянием этого процесса на определенный период времени четкие грани между профессиональным занятием горожан и селян стерлись. Поэтому факт «колхозной демократии» на Дальнем Востоке мог перерасти в «коллективную демократию», в равной мере относившуюся как к деревне, так и к городу.

Первоначально Совет народных комиссаров был готов поощрять различные формы «коллективной демократии», поскольку это вытекало из программы построения народного хозяйства. Ещё в 1918 г. В.И. Ленин писал: «От рабочего контроля мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства. Только эта мера вместе с национализацией банков и железных дорог... даст нам возможность приняться за постройку нового социалистического хозяйства»¹⁵. После завершения гражданской войны советское правительство столкнулось с необходимостью ограничить вольность в трактовке рабочего контроля и определить конкретные задачи этого органа власти. К этому обстоятельству СНК подтолкнула идея о создании «нейтральных» профессиональных союзов. Идея эта витала в воздухе с 1919 г. и сама по себе наносила удар по принципу диктатуры пролетариата, поскольку «нейтральность» предполагала право гласного, официального возражения некоторой части общества против политики правительства. Кроме всего прочего «нейтральность» общества означала противопоставление правительству. Автоматически за людьми как бы признавалось право отстаивать свои интересы, исходя из корпоративности тех или иных социальных и этнических групп¹⁶.

В фондах Государственного архива Приморского края хранятся документы, проливающие свет на то, как сами приморцы относились к понятию «коллективно-колхозная демократия». На одном из партийных заседаний отделения Союза писателей была брошена фраза: «Создалась обстановка «круговой амнистии» (или «круговой поруки»). Обстановка «круговой амнистии» возникала на каждом предприятии, в каждом совхозе, в любом учреждении. Суть этого явления была в защите своих сослуживцев и близких друзей от склок и споров, которые довольно часто разгорались вокруг кампаний по «критике и самокритике». И результатом становились новые списки на исключение из партии, а вслед за этим — увольнение с работы и аресты. Люди, близко знавшие друг друга, нередко работавшие в одном коллективе, пытались не сообщать сведений, усугублявших участь попавшего под подозрение товарища. Человека окружали вниманием, сочувствовали ему, но выражали это либо молчанием, либо отказом присутствовать на собраниях трудового коллектива, где происходило судилище¹⁷. Хронологические рамки «круговой амнистии» колеблются с середины 1920-х — начала 1930-х годов до середины 1950-х годов.

Несколько ярких примеров, демонстрирующих силу «круговой амнистии», автору статьи удалось обнаружить в архивном отделе муниципального образования Хасанского района в пос. Славянке (АМОХР). В рыболовецких поселках, расположенных по побережью вблизи Владивостока, на рубеже 1930—1940-х годов и в самом конце 1948 г. исполнительные комитеты ряда сельсоветов проводили коллективные товарищеские суды в отношении так называемых подозрительных лиц. Цель мероприятий — добиться согласия большинства сельчан на выселение неугодных местной власти лиц. Сотрудник архива Л.К. Костенко рассказала, что все подобные дела поступили на хранение только в последние годы. До этого они считались документами с ограниченным доступом пользования. Протоколы коллективных собраний оформлялись, по всей вероятности, заранее. «Ответственные товарищи из района» привозили на такие собрания готовые бланки протоколов с приблизительными вариантами развития дискуссий. Не всегда «режиссированная» по указке сверху дискуссия проходила гладко. Нередки были случаи, когда заготовленные протоколы оставались без имен и фамилий, а лица, предполагавшиеся на выселение, отделялись меньшими наказаниями.

По итогам одного собрания председатель записал: «...очень низкая дисциплина труда в колхозе. Каждый имеет с огорода в год до 5 тыс. руб. Чуть что друг друга пытаются оправдать. Догляд нужен. Матерятся все постоянно при разговорах о Советской власти»¹⁸.

Фонд Управления ФСБ РФ по Приморскому краю содержит дело под № ПУ 7048. Это дело — следственный материал Приморского ОГПУ в отношении восстания крестьян старообрядцев против советской власти в 1932 г. в Северном районе. По материалам этого дела работает ряд дальневосточных исследователей¹⁹.

Восстание проходило в бассейне р. Бикин, по площади охватило 450 кв. км. После его подавления в обвинительном заключении отмечалось 75 населенных пунктов, которые оказались в зоне повстанческого движения. Население северного побережья сложилось к началу 1930-х годов в основном в результате переселения старообрядцев из Западной Сибири²⁰. Особое мировосприятие старообрядцев Бикина мешало развитию кооперации, а тем более колхозов. И это было им вменено в вину.

Советское общество конца 1920-х — начала 1930-х годов «распирало» от противоречий по религиозным, политическим и социальным мотивам. Партийные и комсомольские организации фиксировали появление так называемых партизанских писем, их текст начинался словами «От партизан края», что, по мнению авторов анонимок, усиливало воздействие содержимого на читателя. Все письма носили характер обличения большевиков за ту бесхозяйственность, которую они устроили в деревне, проводя в жизнь политику коллективизации. Повествование начиналось обычно с событий гражданской войны. «Мы в ту пору, — писалось от имени «партизан» в тексте листовки, — еще не были омрачены обещаниями равных свобод и не догадывались, что мы были пушечным мяском... нашими руками шельмы творили «добрые дела». А теперь народ понял, что Советская власть плюс коммунизм есть иго врагов — советских дворян... которым во всем мире приходит капут, как опричнине, и пр. варварам, стремящимся с безумством все разрушить, уничтожить и создать только в фантазиях то, что невозможно создать даже под насилием. Если не считать барских крепостных, то нет ни одной страны, в которой бы так были варварски..., зажаты в кабалу люди, как в нашей... большевистской России». (Многоточия означают нецензурную брань). Далее анонимы возмущались от имени крестьян двенадцатилетним царством «сумасшедших господ ссыльных за народ», которые сотворили безобразие в великой стране. Заканчивались листовки приблизительно одним и тем же призывом: «Пусть только дадут нам винтовки, мы покажем теперь, за кого пойдем воевать, — говорит партизанщина»²¹.

Листовки «партизан» говорили и о другом. Их авторы не сомневались в том, что все невзгоды, которые терпит крестьянство, исходят от партии, поклонявшейся одному лицу — генсеку Сталину. Он, как говорилось в анонимках, «...подобно шакалу мечется со своей звериной политикой, вкальвая свои кровожадные зубы в изглоданного мужика. Партизаны за большевиков не пойдут»²²!

В начале 1930-х годов достигла предела озлобленность охотников-нанайцев. Они были возмущены работой разъездной группы аппаратчиков Дальневосточного крайкома партии. К людям они приходили в дома под вечер и начинали «...немедленно приступать к сбору и выявлению оседавшей на руках пушнины». За этой лаконичной формулировкой стояли страх и возмущение такой формой принудительного изъятия пушнины. Эти аппаратчики предлагали заключить договор с детскими организациями «на вылов штучной пушнины». В варианте договора не оговаривалось, где и как дети должны были производить такой отлов. От них требовалась беспрекословная помощь, т. е. донос, где именно надо искать пушнину²³. В течение месяца нанайцы не желали поддерживать каких-либо отношений ни с крайкомовцами, ни с местным председателем. Пред-

ставитель крайкома, прибывший на место, писал: «Настроение у нанайцев очень нездоровое, отказались категорически от перехода на трудодни, кое-как, с большим трудом и самыми крайними мерами пришлось добиваться перехода на них»²⁴. Но это была не вся правда. Для ликвидации слухов, распространившихся сразу же после «инициативы» с детьми, Дальневосточный крайком пошел на небольшую хитрость. Был распушен слух о том, что трудодни совершенно чужды колхозному строю и что именно те, кто не желает вступать в колхоз, должны взять на себя обязанности выполнять трудодни. В добавление к вышесказанному было обещано не применять другие меры принуждения в отношении тех, кто брал на себя обязательства по трудодням. По всей вероятности, инициатива интриги исходила из президиума Нанайского национального районного исполнительного комитета, занимавшего в 1931—1932 гг. центральное место среди руководящих органов севера Дальнего Востока. В конце декабря 1931 г. нанайцы обратились в президиум с просьбой посодействовать «наверху» разрешению их проблемы. Нанайский национальный комитет не заставил себя долго ждать. Сразу же после заключения индивидуальных договоров о добровольном переходе на трудодни все свободное от охоты и рыболовства население было мобилизовано на лесозаготовки. Одновременно с этим представители президиума приступили к созданию женских бригад для пилки леса. Таким образом, в промысловых поселках оставались только дети и те, кто во время возмущений находились в тайге или в море²⁵.

В полной мере использовать общественное мнение для регулирования социальных противоречий власть научилась только в годы Великой Отечественной войны. «Политическая власть выступала «опекуном» по отношению к обществу и к каждой отдельной личности»²⁶. Судя по данным А.С. Ващук, автора книги «Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке», выразителем такой политики до конца войны выступал глава госконтроля СССР Л.З. Мехлис. С конца 1940-х годов в политике опеки наступил коренной перелом. Член политбюро ЦК КПСС Н.А. Вознесенский предположил, что нездоровые антисоциальные явления в общественном мнении — это лишь примеры неэффективных рычагов хозяйствования. Отсутствие благоприятных условий жизни для народа толкало отдельные личности к распространению негативной информации о советском государстве. Главными виновниками происходившего Н.А. Вознесенский назвал руководителей областных и районных партийных организаций, не желавших отходить от позиции административно-командного нажима в социальных вопросах²⁷.

Начавшийся процесс обновления комсомольских и партийных районных организаций в конце 1947 — начале 1948 г. косвенно подтверждает это предположение. Никакого крупного изменения не предполагалось вносить во всю систему государственного строительства²⁸. Просто руководителей среднего звена обязывали согласовывать свои действия по социально-бытовому блоку вопросов с вышестоящими организациями. Хорошим тоном каждого руководителя теперь признавался консервативный подход к любому начатому делу. Партийная система руководства заставляла откладывать «...решение вопроса, пишет А.С. Ващук, до тех пор, пока необходимость принятия этого не станет ясна, а чаще всего нужна последнему участнику процедуры». Скорость решения социальной проблемы стала зависеть от того уровня, который занимали в партийной иерархии министерства и ведомства, функционеры, бравшие на себя обязанность решить возникавшую проблему. Судьба отдельного человека переставала рассматриваться как причина противоречий, а слухи и сплетни объявлялись лишь мелкобуржуазными пережитками²⁹.

В послевоенной обстановке протест против нарушения социалистической справедливости вызывал у многих сочувствие. Это подтверждают дела, заведенные против сектантов и диссидентов. На такой поступок решались далеко не все. Совершенно по-иному в обществе воспринимались слухи, постепенно

становившиеся политическими анекдотами. Такие данные, доказывающие перерождение определенной части слухов в анекдоты, хранятся, например, в государственном архиве Южно-Сахалинска³⁰.

Исходя из сложившегося положения, связанного с временным запретом на пользование материалами прокуратуры и региональных управлений ФСБ, данные по второй половине XX в. приходилось собирать в фондах исполнительных советов и комитетов партийного контроля. Условно протесты советских граждан можно подразделить на три категории: протест против назначенцев «сверху»; протест против недопустимых фактов бесхозяйственности в сфере бытового, коммунального и строительного секторов экономики; протест против запрета исполнять религиозные обряды.

Большинство подобных протестов было характерно для общественного мнения Приморья еще до начала Великой Отечественной войны. Большое недовольство вызывали не бытовые трудности, а бестактность партийных руководителей по отношению к гражданам и халатность при выполнении ими своих обязанностей. Самым невинным протестом власти считали возмущение против назначенцев, т. е. тех, кого предлагали выбирать парткомы на общих собраниях трудящихся. Так, 14 октября 1937 г. на винном заводе в дер. Астраханке состоялся митинг, посвященный предстоявшим выборам в Верховный Совет СССР. Старший пожарник завода Кравченко предложил утвердить кандидатуры в участковую избирательную комиссию. Он назвал фамилии нескольких человек, заявив, что «они назначены райорганизациями». Рабочие отказались голосовать за этих людей, сославшись на то, что по положению о выборах кандидатов в участковые избирательные комиссии должны избирать на собраниях из числа рабочих и служащих предприятия, а не назначать сверху. Через два дня рабочих снова собрали и предложили проголосовать за кандидатуру председателя заводского профкомитета. Это предложение опять было отвергнуто. Используя административные полномочия, директор завода все-таки поставил на голосование кандидатуру профактивиста. Но из 180 рабочих за него проголосовали только 33 чел. Под возмущенные возгласы рабочих об отсутствии демократии собрание было закрыто.

Во второй половине 1950-х годов количество протестов возросло. Это было особенно заметно, когда деятельность «старых хозяйственников» становилась предметом разборов в органах госконтроля. Тем, кто стоял на позициях старых сталинских методов управления, противостояли «обновленцы», предлагавшие отойти от метода нажима и заменить его системой согласований. Это, по их мнению, расширяло возможности рядовых граждан участвовать в предметном обсуждении злободневных сторон жизни.

В 1960-е годы стало проявляться диссидентство, инакомыслие. Чаще раздавалась критика партийных верхов. Все более широкую поддержку населения получали обвинения советских и партийных руководителей в кастовости номенклатуры, ее непомерных привилегиях, злоупотреблениях, перерождении в «советских бар». Это требовало кардинальной перестройки всей системы общественного устройства. Решить эту задачу в 1982—1983 гг. попытался Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, после него — М.С. Горбачев. Чем все закончилось, известно. Но это уже другая тема.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РНБ ОР — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической информации.
 ГАПК — Государственный архив Приморского края.
 РГАЭ — Российский государственный архив экономики.
 АМОХР — Архивный отдел муниципального образования Хасанского района.
 ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.
 РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

¹ В Советском Союзе протест, направленный против социального, экономического и политического устройства государства, официально объявлялся преступлением: изменой родине и пособничеством империалистам. Например, в Уголовном кодексе за 1926 г. (действовавшем с небольшими изменениями на протяжении первой половины XX в.) в «Особенной части» главы первой были статьи 58^{1а}, 58^{1б}, 58^{1с}, 58^{1д}, 58^{1е}, 58^{1ж}, 59 и 60-я, полностью посвященные контрреволюционным преступлениям. В них критика власти в любой форме объявлялась опасным преступлением «против порядка управления». Далее следовали статьи: 28 параграфа 1 — вредительство; 58¹⁰ и 59⁷ — чтение и контрабанда контрреволюционной литературы; 59² — противодействие власти; 59³ и 75 — неповиновение власти; 77 и 113 — дискредитация власти; 185 — полностью посвящена цензуре; 193^{20—22}, 193²⁴ — измена родине; целый ряд статей касался религии в Союзе, которая тоже причислялась властями к протесту, например, статьи 59⁷, 122, 124—125, 126—127, 193¹³.

В 1960 г. был принят новый УК РСФСР, который с дополнениями и изменениями просуществовал до начала 1990-х годов. Снова в «Особенной части» главы первой были внесены такие статьи, как 72 и 73 — организованная деятельность, направленная на совершение особо опасных государственных преступлений против советской власти и социализма. Подробнее см.: Уголовный Кодекс РСФСР. Министерство юстиции. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. М., 1950. С. 36—59.

² 58¹⁰. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953—1991: Аннотированный каталог / Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко / Сост. О.В. Эдельман. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. С. 754.

⁴ Там же. С. 730.

⁵ Высоцкий В.С. Нерв: Стихи. 3-е изд. М., 1988. С. 227.

⁶ См., например, РНБ ОР (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 572 (Пестержицкий Д.И.). Д. 2.

⁷ РНБ ОР. Ф. 289 (архив Д.И. Завалишина). Д. 10. Л. 139 «В Сибири люди боялись ревизора».

⁸ См., например, РНБ ОР. Ф. 1055 (Маслаковец Н.А.). Д. 76 (f XVIII09/6. 5).

⁹ РНБ ОР. Ф. 572 (Пестержицкий Д.И.). Д. 2. Л. 21 об.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 301. Оп. 2. Д. 8. Л. 37—39.

¹¹ Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927—1937 гг.) / Под ред. Ф.Ф. Таталина и др. Хабаровск, 1979. С. 238.

¹² ГАПК. Ф.Р-1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048.

¹³ Жиромская В.В. Демографическая история России в 1930-е гг.: Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. С. 71, 73.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4536. Ч. 1. Л. 8.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 425.

¹⁶ Иркутский губернский Совет народного хозяйства (1920—1923 гг.). Иркутск, 1959. С. 16.

¹⁷ ГАПК. Ф. 1504. Оп. 2. Д. 23. Л. 3.

¹⁸ АМОХР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 3-а. Л. 1—10.

¹⁹ Кобко В.В. Следственный материал как источник по истории старообрядчества Приморья (конец 20—30-х годов XX в.) // Политические репрессии на ДВ СССР в 1920—1950-е годы. Владивосток, 1997. С. 192; Караман В.Н. Улунгинское восстание старообрядцев в 1932 г. // Старообрядчество в Сибири и на Дальнем Востоке: История, современность. Местные традиции. Русские зарубежные связи: Материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2000. С. 70.

²⁰ Кобко В.В. Следственные материалы... С. 189.

²¹ ГАНУ. Ф.Р-1027. Оп. 8. Д. 4. Л. 90.

²² Там же. Л. 90.

²³ РГИА ДВ. Ф.Р-2411. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

²⁴ Там же. Л. 326.

²⁵ Там же. Л. 12.

²⁶ Вашук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40-х—80-е годы XX в.). Владивосток, 1998. С. 9.

²⁷ Там же. С. 9—11.

²⁸ РГАСПИ. Ф.М-1. Оп. 32. Д. 344. Л. 36, 59; Д. 407. Л. 12—14.

²⁹ Там же. Ф. 599. Оп. 1. Д. 171, 172, 173, 174, 176, 183, 388, 436.

³⁰ РГИА ДВ. Ф.Р-3238. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

SUMMARY. Candidate of Historical Sciences V. Titov in his article “Protest Actions in the Social Life of the Residents of the Far East of Russia” tells about facts and sources of disagreement concerning to the policy and practice of state and party (communist) bodies. The article contains the analysis of the reasons for protest actions of the residents of the Far East.